

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Том 78 № 1

Январь—Февраль—Март

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1937 г.

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом всеобщей истории РАН в сотрудничестве с Государственным Эрмитажем и Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова

Международный редакционный совет

Председатель акад. РАН *М.Б. Пиотровский* (Санкт-Петербург)

проф. *Э. Андерсен* (Осло), проф. *К. Антонетти* (Венеция),
проф. *Г. Бауэрсон* (Принстон),
проф. *Д. Браунд* (Эксетер), проф. *А. Брессон* (Чикаго), проф. *Г.-И. Герке* (Фрайбург),
акад. РАН *Н.Н. Казанский* (Санкт-Петербург), проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель),
проф. *П. Калльери* (Болонья),
акад. РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (Москва),
акад. РАН *В.С. Мясников* (Москва), проф. *Г. Парцингер* (Берлин),
проф. *Х. Ремесаль Родригес* (Барселона), проф. *С. Розен* (Стокгольм),
проф. *Ч.Б. Роуз* (Филадельфия), проф. *Н. Симс-Вильямс* (Лондон),
акад. РАН *И.М. Стеблин-Каменский* (Санкт-Петербург), проф. *Ж.-Л. Феррари* (Париж),
проф. *Ф. Флесс* (Берлин), проф. *П. Функе* (Мюнстер), проф. *М. Хадзопулос* (Афины),
проф. *А. Ханиотис* (Принстон), проф. *Ш. Шакед* (Иерусалим),
проф. *Д. Шарпен* (Париж), проф. *В. Шильц* (Париж)

Редакционная коллегия

Главный редактор член.-корр. РАН *А.И. Иванчик* (Москва)
д.и.н. *А.Ю. Алексеев* (Санкт-Петербург), к.и.н. *И.С. Архипов* (Москва),
д. филол. н. *Д.Е. Афиногенов* (Москва), д. филол. н. *Л.С. Баюн* (Москва),
д.и.н. *А.О. Большаков* (Санкт-Петербург), д.и.н. *А.В. Буйских* (Киев),
член.-корр. РАН *М.Д. Бухарин* (Москва), д.и.н. *А.А. Вигасин* (Москва),
к.и.н. *В.А. Головина* (зам. главного редактора, Москва),
член.-корр. РАН *Н.П. Гринцер* (Москва),
член.-корр. РАН *М.А. Дандамаев* (зам. главного редактора, Санкт-Петербург),
к.и.н. *М.М. Дандамаева* (Санкт-Петербург), д-р *Г.М. Кантор* (Оксфорд),
д.и.н. *С.Г. Карпюк* (Москва), д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (Москва),
к.и.н. *Е.В. Ляпустина* (ответственный секретарь, Москва),
к.и.н. *И.А. Макаров* (Москва), к.и.н. *А.В. Муравьев* (Москва),
к.и.н. *А.А. Немировский* (Москва), д.и.н. *А.В. Подосинов* (Москва),
д-р *Э. Рекюло* (Чикаго), д.и.н. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *А.В. Седов* (Москва),
к.и.н. *А.Л. Смышляев* (Москва), к. филол. н. *С.А. Степанцов* (Москва),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), к.и.н. *С.Р. Тохтасьев* (Санкт-Петербург),

Заведующая редакцией *Е.Н. Андреева*

E-mail: vdi-red@yandex.ru

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

Volume 78 Issue 1

January–February–March

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED IN 1937

International Council

Prof. *Mikhail Piotrovsky* (Chairman, Saint-Petersburg)

Prof. *Øivind Andersen* (Oslo), Prof. *Claudia Antonetti* (Venice),
Prof. *Glen Bowersock* (Princeton), Prof. *David Braund* (Exeter), Prof. *Alain Bresson* (Chicago),
Prof. *François de Callatay* (Brussels), Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna),
Prof. *Angelos Chaniotis* (Princeton), Prof. *Dominique Charpin* (Paris),
Prof. *Jean-Louis Ferrary* (Paris), Prof. *Friederike Fless* (Berlin), Prof. *Peter Funke* (Münster),
Prof. *Hans-Joachim Gehrke* (Freiburg), Prof. *Miltiades Hatzopoulos* (Athens),
Prof. *Nikolai Kazansky* (Saint-Petersburg),
Prof. *Vyacheslav Molodin* (Novosibirsk), Prof. *Rauf Munchayev* (Moscow),
Prof. *Vladimir Myasnikov* (Moscow), Prof. *Hermann Parzinger* (Berlin),
Prof. *José Remesal Rodríguez* (Barcelona), Prof. *C. Brian Rose* (Philadelphia),
Prof. *Staffan Rosén* (Stockholm), Prof. *Nicholas Sims-Williams* (London),
Prof. *Ivan Steblin-Kamensky* (Saint-Petersburg), Prof. *Shaul Shaked* (Jerusalem),
Prof. *Véronique Schiltz* (Paris)

Editorial Board

Prof. *Askold Ivantchik* (Editor-in-Chief, Moscow)

Prof. *Dmitry Afinogenov* (Moscow), Prof. *Andrey Alekseev* (Saint-Petersburg),
Dr. *Ilya Arkhipov* (Moscow), Prof. *Liliia Bayun* (Moscow),
Prof. *Andrey Bolshakov* (Saint-Petersburg), Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow),
Prof. *Alla Buyskikh* (Kiev), Prof. *Muhammad Dandamayev* (Saint-Petersburg),
Dr. *Maryam Dandamayeva* (Saint-Petersburg), Dr. *Vera Golovina* (Moscow),
Prof. *Nikolay Grintser* (Moscow), Ph.D. *Georgy Kantor* (Oxford),
Prof. *Sergey Karpyuk* (Moscow), Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Elena Lyapustina* (Moscow), Dr. *Igor Makarov* (Moscow), Dr. *Alexey Muraviev* (Moscow),
Dr. *Alexander Nemirovsky* (Moscow), Prof. *Alexander Podossinov* (Moscow),
Dr. *Hervé Reculeau* (Chicago), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Alexander Sedov* (Moscow), Dr. *Alexander Smyshlyaev* (Moscow),
Dr. *Sergey Stepanov* (Moscow), Prof. *Igor Surikov* (Moscow),
Dr. *Sergey Tokhtasyev* (Saint-Petersburg), Prof. *Alexey Vigasin* (Moscow)

Head of the Editorial Office *E. Andreeva*

E-mail: vdi-red@yandex.ru

DOI: 10.7868/S0321039118010016

MARS GENITOR? KOMMENTARIЙ K ENNIUS. FR. 29 SKUTSCH*

А. В. Мосолкин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
E-mail: mosolkin@mail.ru

В современной историографии признано, что Энний в «Анналах» при описании легенды о Ромуле и Реме отцом близнецов называет Марса. Хотя поэт напрямую в сохранившихся фрагментах об этом нигде не говорит, исследователи единодушно видят Марса во фрагменте 29 (Skutsch), где бог войны называется *homo pulcer* (fr. 29 Skutsch). Полагают, что свою историю Энний строит на сходном сюжете из «Одиссеи», где насильником над Тиро является Посейдон (*Odyss.* XI. 235–259). В статье обосновывается вывод, что в «Анналах» Марс не выступает в роли родителя близнецов.

Ключевые слова: Ромул, Рем, Марс, Энний, римская мифология

MARS GENITOR? THE COMMENTARY TO ENNIUS. FR. 29 SKUTSCH

Alexei V. Mosolkin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
E-mail: mosolkin@mail.ru

It is commonly assumed in modern scholarship that Ennius in his *Annals* represented Mars as the *genitor* of Romulus and Remus. Even though the poet nowhere tells this in extant fragments explicitly, the scholars unanimously argue that the *homo pulcer* in fr. 29 Skutsch must be Mars, and that Ennius composed his story on the basis of a similar passage from *Odyssey*, where Poseidon raped Tyro (*Odyss.* XI. 235–259). The author demonstrates that Mars was not mentioned by Ennius as *genitor* in the *Annals*.

Keywords: Romulus, Remus, Mars, Ennius, Roman mythology

Данные об авторе. Алексей Владиславович Мосолкин — кандидат исторических наук, доцент кафедры древних языков исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Легенда о союзе Марса и весталки Реи Сильвии, а также о близнецах Ромуле и Реме, родившихся от этого союза, хорошо известна. Она настолько логично выстроена, что отсутствие или замена какого-либо действующего лица кажется просто невозможным. Кто как не Марс, бог войны, может быть отцом основателя Рима — государства, покорившего столько народов? Кто как не жрица может быть матерью тех, кто станет основателем самого благочестивого города? Однако имеющиеся у нас литературные и изобразительные данные не всегда свидетельствуют, что бог войны, весталка и их дети появляются в римском предании одновременно. Мы имеем все основания говорить о присутствии Марса и Реи Сильвии в легенде только с I в. до н.э.¹ Вот почему важно проследить, когда возникли первые упоминания о судьбоносной встрече в римской литературе².

Как известно, «Анналы» Кв. Энния, состоявшие из 18 книг и написанные после 184 г. до н.э., дошли до нас в скудных фрагментах. Два самых больших фрагмента — до 20 строк — сохранились в трудах Цицерона. Все остальное — отрывки из одного или двух стихов, расположение которых внутри «Анналов» само по себе является большой научной проблемой. Наиболее авторитетным комментированным собранием фрагментов на сегодняшний день является издание, подготовленное в 1985 г. О. Скютчем.

Вопреки тому, что в дошедших до нас фрагментах «Анналов» Марс ни разу не называется открыто отцом Ромула и Рема, современные исследователи убеждены, что Эннию этот сюжет уже был известен. Конечно, фрагментированное состояние источника не позволяет сделать сколь-либо уверенные выводы. Тем не менее ученые то тут, то там видят в поэме «следы» Марса. Основанием для этого

* Моя работа была бы намного хуже, если бы не помощь моей жены Ю.Е. Краснобаевой (ГМИИ им. А.С. Пушкина), которая внесла большое количество стилистических исправлений, а также проф. А.Е. Кузнецова (МГУ), который внимательно прочитал статью и предложил значительные изменения. Этим коллегам, а также участникам домашних семинаров проф. А.В. Подосинова (МГУ) и н.с. Д.А. Щеглова (Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН), где мною был представлен развернутый вариант публикуемой работы, я приношу свою искреннюю благодарность. Но, разумеется, все ошибки, допущенные в работе, являются моими собственными.

¹ Библиография по данному вопросу достаточно внушительна. Назову лишь основные и относительно новые работы: Dulière 1979; Dardenay 2010; 2012; Albertson 2012.

² Строго говоря, Марс упоминается как отец близнецов в текстах, приписываемых Фабию Пиктору (рубеж III—II вв. до н.э.). Однако сохранившиеся фрагменты сочинения римского анналиста, по-видимому, в большей степени отражают взгляды авторов I в. до н.э., которые сохранили эти тексты, чем самого Пиктора (см. Poucet 1976, 207–208). Нас не должна смущать фраза Цицерона (*De rep.* II.4) *qui patre Marte natus (concedamus enim famae hominum, praesertim non inveteratae solum, sed etiam sapienter a maioribus proditae, bene meriti de rebus communibus ut genere etiam putarentur, non solum ingenio esse divino) — is igitur, ut natus sit, cum Remo fratre dicitur ab Amulio, rege Albano, ob labefactandi regni timorem ad Tiberim exponi iussus esse*, из которой следует, что Ромула начали считать сыном Марса уже в древности. Во-первых, Цицерон ссылается на безликую молву (*fama hominum*), а не на литературные сочинения; во-вторых, я полагаю, что Марс «стал» отцом близнецов в начале II в. до н.э., благодаря дипломатической находчивости ионийских греков. Разница больше чем в сто лет между написанием сочинения «О государстве» (54–51 гг. до н.э.) и «находкой» эллинов вполне могла позволить римлянину назвать предание древним. Но доказательство того, что именно ионийские греки причастны к развитию мифа о близнецах и Марсе, должно стать темой отдельного исследования.

является предположение, что о связи Марса и Реи мог упоминать уже Пиктор, старший современник Энния. Следовательно, и Энний, по-видимому, должен был писать о Марсе-родителе.

Однако такая логика вряд ли оправданна. Энний не всегда следовал — если следовал вообще — за первым римским анналистом. В качестве примера можно привести следующий факт. Известно, что Пиктор, вероятно, был первым писателем, кто искусственно ввел в историю об основании Рима список так называемых альбанских царей, которые «соединили» время Энея и время Ромула и Рема. Это было сделано после того, как Эратосфен вычислил дату падения Трои — 1184 г. до н.э. по современному летосчислению. После этого стало ясно, что троянец не мог быть отцом близнецов, жизнь которых предание устойчиво относило примерно к середине VIII в. до н.э. Казалось бы, «нововведение» Фабия Пиктора было вполне оправданно: из хронологии Эратосфена вытекало, что Эней прожил мафусаилов век, анналист же сократил его до продолжительности жизни «среднестатистического» греческого героя. Однако Энний вопреки всему и следуя, вероятно, за своим поэтическим предшественником Невием и нарушая хронологический канон, называет Ромула и Рема внуками Энея. Тем самым Рея Сильвия, которая в «Анналах» зовется Илией, т.е. «троянкой», оказывается дочерью Энея³.

В комментарии Скучта подразумевается, что единственный фрагмент «Анналов», в котором имеется в виду Марс, — это фрагмент 29⁴:

Встала старушка; внесла рукою дрожащей лампаду.
Илия с плачем ей молвит, виденьем испугана грозным:
«Выслушай, дочь Евридики! родителя милой супруги;
Страшен мой сон! Смертельной тоскою сжимается сердце.
Берег реки неизвестной, пышною ивой одетый,
Кто-то прекрасный меня увлекает... потом одиноко
Там я блуждаю, сестрица; стопою неверной дорогу
Тщетно пытаюсь найти, призываю тебя, но напрасно.
Замерло сердце... Не видно пути... Куда же идти мне?
Вдруг родителя голос — он имя мое называет:
«Милая дочь! Сулит тебе рок несчастье в грядущем,
Но из этой реки твое счастье сугубо воспрянет».
Так он сказал мне, родная, и вдруг от глаз он сокрылся.
Сердцем стремлюсь я к нему, но увы! его нет предо мною.
В горе к лазурному небу не раз простирала я руки,
В слезной мольбе призывая отца, но напрасно молила...
Здесь я проснулась, в тревоге смертельной, покой свой утратив».

(Пер. И.И. Холодняка)

Есть две убедительные причины считать этот фрагмент подтверждением, что Марс уже в древности рассматривался как отец Ромула и Рема.

³Serv. *Aen.* VI. 777: dicit [Ennius] namque Iliam fuisse filiam Aeneae. Quod si est, Aeneas avus est Romuli — «[Энний] говорит, что Илия была дочерью Энея. Если это так, то Эней был дедом Ромула» (см. Vahlen 1903, CLIII–CLIX). Библиографию к этому фрагменту см. Meurant 2000, 124–125, п. 76. Исследователь, на мой взгляд, справедливо замечает, что поэтическая вольность не должна следовать за кабинетной строгостью историков и антикваров (Meurant 2000, 124–125).

⁴Skutsch 1985, 193–194, 197. См. также: Tennant 1988, 86.

1. Ключевыми для нашего исследования являются стихи 5–6:

Nam me visus homo pulcer per amoena selecta
Et ripas raptare locosque novos.

«Ведь видно, что красивый человек среди очаровательных ветвей ивняка // Меня влечет вдоль неизвестных берегов и мест».

Кто же скрывается за этим homo pulcer? Скутч и Теннант, а вслед за ними и остальные полагают, что это Марс⁵. Скутч утверждает, что прилагательное pulcer, которое относилось к религиозной лексике, характеризует не совсем обыкновенного персонажа⁶. Подобное толкование, по мнению исследователя, находит параллель во фрагменте из «Римских древностей» Дионисия Галикарнасского, где писатель сообщает о некоем видении, которое имело «более чем красивый вид» (I. 77. 2). Такое суждение кажется очень убедительным. Скутч совершенно справедливо приводит примеры того, как это слово употребляется в I книге Энния. Так, во фрагменте 47, где речь идет о знаменитом птицегадании Ромула и Рема, о птице говорится longe pulcerrima praepes⁷. В этом же фрагменте Ромул называется pulcer, что указывает, по мысли Скутча, на его статус победителя. Наконец, этого же эпитета удостоилась и Венера (fr. 13 Skutsch): она названа pulcra dearum; это выражение произошло, по-видимому, от dia dearum, восходящего, в свою очередь, к гомеровскому δῖα θεῶων (II. VI.305). Компания Ромула, Венеры и священных птиц вполне подходит, чтобы принять в свои ряды Марса⁸.

Однако следует заметить, что Энний употребляет слово pulcer не только в особенном религиозном или авгуральном смысле. Во второй книге (fr. 13 Skutsch) поэт говорит о красивых кораблях (navibus pulcris), явно не имея в виду ничего значительного или тем более религиозного. В том же нейтральном контексте мы встречаем употребление этого слова в стк. 457, где сообщается о красивом порте (pulcro portu), а также в стк. 563, где речь идет о римских юношах с прекрасными душами (optima cum pulcris animis Romana iuventus).

Столь же неоднозначно обстоит дело с упомянутым выше свидетельством Дионисия о «призраке», напавшем на Рею (I. 77. 2): ὄψιν δέ, ἦν καὶ τὸ εἶδωλον εἶχε, θαυμασιωτέραν μακρόν τι κατὰ μέγεθος καὶ κάλλος ἀνθρώπων, т.е. «призрак», представший перед будущей матерью Ромула и Рема, красотой и статью превосходил людей. Таким образом, у Дионисия в описании насильника есть два важных отличия от Энния. Во-первых, напавший не просто «красив», а его облик *красивее* человеческого (θαυμασιωτέραν μακρόν). Во-вторых, у Дионисия это не человек, а «призрак», «видение» (τὸ εἶδωλον). К сожалению, у нас нет свидетельства, что Дионисий был знаком с «Анналами» Энния. Если же ученый грек читал их, — а это мне представляется более чем вероятным, — то его описание обидчика Реи

⁵ Krevans 1993, 265, 267; Connors 1994, 104; Meurant 2000, 125–126; Keith 2004, 107; Fisher 2014, 131, 133–134.

⁶ А.И. Солопов полагает, что слово pulcher изначально должно было означать «очищенный от всего ненужного и вредного» (ab omni re nocenti aut non necessaria purgatus, h.e. 'delectus'). См. Solopov 2002, 246.

⁷ Солопов пишет, что слово pulcerrima взято из словаря авгуров и ничего общего с красотой не имеет (apud Ennium pulcerrima... avis est vox auguralis et nihil cum pulchritudine habet), а также что это слово сходно по значению с греческим διογενής («божественный»). В связи с вещими снами автор предлагает перевод «сверхъестественно прекрасный». См. Solopov 2002, 239, 249.

⁸ Об употреблении pulcher в качестве эпитета богов см. уже упоминавшуюся статью А.И. Солопова, где приводятся примеры (Solopov 2002, 247–251).

Сильвии явно контрастирует с описанием *homo pulcer* у Энния. И если за «более чем прекрасным видением» Дионисия скрывается Марс, то *homo pulcer* Энния — это кто угодно, но не Марс.

2. Описание сна Илии у Энния в своей основе имеет, вероятно, стихи 235–259 из XI песни «Одиссеи», а также трагедию Софокла «Тиро», которая до нашего времени фактически не сохранилась⁹. Тиро, дочь царя Салмоней (Apollod. I. 9. 8–11), — первая, кого Одиссей встретил в подземном мире (*Odys.* XI. 235–259, пер. В.В. Вересаева):

Прежде других подошла благороднорожденная Тиро
И про себя рассказала, что на свет она родилась
От Салмоней, сама же — жена Эолида Крефея.
Страсть зародил Енипей в ней божественный, самый прекрасный
Между потоков других, по земле свои воды струящих.
Часто она приходила к прекрасным струям Енипея.
Образ принявши его, Земледержец, Земли Колебатель,
В устье потока того, водовертью богатого, лег с ней.
Воды пурпурные их обступили горой и, нависши
Сводом над ними, и бога и смертную женщину скрыли.
Девушку в сон погрузив, развязал он ей девственный пояс.
После того как свое вожденье на ней утолил он,
Бог ее за руку взял, и по имени назвал, и молвил:
— Радуйся, женщина, нашей любви! По прошествии года
Славных родишь ты детей, ибо ложе бессмертного бога
Быть не может бесплодным. А ты воспитай и вскорми их.
В дом свой теперь воротись, но смотри, называть опасайся
Имя мое! Пред тобой Посейдон, сотрясающий землю. —
Так сказав, погрузился в волнами кипевшее море,
Пелия Тиро, зачавши, на свет родила и Нелея.
Сделались оба они слугами могучими Зевса.
Пилос песчаный достался Нелею. Богатый стадами
Пелий Иолком владел, хоровыми площадками славным.
Кроме того, родила царица средь жен и Крефею,
Амифаона, бойца с колесницы, Эсона, Ферета.

Итак, Тиро полюбила речного бога Энипея, и часто проводила время на берегах его реки. Ее увидел непосредственный «начальник» Энипея — Посейдон. Приняв образ возлюбленного Тиро, Посейдон овладел девушкой, погрузив ее в сон. Впоследствии бог раскрыл ей свое имя и предсказал славное будущее ее детей¹⁰.

Хорошо известно, что Энний во многом подражал Гомеру. В сохранившихся фрагментах «Анналов» есть описание, как во сне душа Гомера перешла в душу поэта (fr. II–X Skutsch). Поэтому нет ничего удивительного, что описание сна Илии могло быть заимствовано из «Одиссеи». И сходство между этими двумя сценами поразительно. В обоих поэмах фигурируют реки, девушки погружаются в сон, им предсказывают будущее, у них рождаются знаменитые дети. Напрашивается вывод, что если в «Одиссее» насильником оказывается бог Посейдон, то у Энния он тоже должен быть богом, а именно Марсом¹¹.

⁹ О трагедии «Тиро» и ее изображениях см. Robert 1916, 273–302. О том, что история о Ромуле и Реме была создана Диоклом из Пепаретоса на основании этой трагедии, см. Trieber 1888, 577–582; Radt 1999, 464.

¹⁰ См. Heubeck, Hoekstra 1989, 92.

¹¹ У. Доминик пишет: как через насилие во сне над Илией рождаются основатели Римского государства, так через переход из Гомера в Энния рождается римский эпос (Dominik 1993, 42). Также см. Krevans 1993, 257–271; Connors 1994, 99–112; Keith 2004, 103–107.

Тем не менее поразительно не только сходство, но и различие между этими фрагментами, на что никто из исследователей, кажется, не обратил внимания. Во-первых, насколько логично описание этого сюжета в «Одиссее», настолько неуклюже оно у Энния. В греческом эпосе Тиро полюбила речного бога, поэтому часто бывала на берегу его реки, затем появляется бог, связанный с реками и морями, овладевает Тиро, пока она спит, и потом открывает ей правду — сообщает по секрету, кто он такой, и требует никому эту тайну не разглашать¹². В «Анналах» все намного запутаннее. Илия спит у себя дома, в *сновидении* она оказывается на берегу какой-то неизвестной реки, где ей является «прекрасный человек», а затем Эней, ее отец, предрекает ей счастье и несчастье. По сюжету неясно даже, как произошло соитие между «прекрасным человеком» и Илией; и это заставило Скютча предположить, что описание этого действия у Энния было в другом фрагменте, который не сохранился¹³.

Если в «Одиссее» сам насильник, Посейдон, открывается Тиро — в противном случае как бы она узнала, кто же обидчик? — и предсказывает ее будущее, то в «Анналах» судьбу девушки предсказывает ее отец, Эней, а имя «прекрасного человека» остается неизвестным. В «Одиссее» нет тайны, в «Анналах» же все исполнено таинственности: загадочное место, загадочный насильник. Очевидно, что описание в «Одиссее» гораздо более «экономно» и последовательно: бог, который вступает в связь со смертной девой, сам раскрывает себя и тайну рождения ее детей. В конце концов появление еще одного персонажа, который должен был все рассказать, привело бы к нарушению своего рода субординации: Посейдон не тот бог, который требует посредников. Однако и Марс бог отнюдь не маргинальный, чтобы за него вещал Эней, имеющий «статус» героя. Тем не менее рассказчик довольно неуклюже вводит в повествование Энея, раскрывающего Илии ее будущее, вместо того чтобы вложить это предсказание в уста самого *homo pulcher*. Как же девушка сможет узнать имя насильника?

Древние авторы явно чувствовали сюжетное несоответствие. Это видно из текстов, в которых встречается предсказание будущего для детей Илии. После Энния *ни один* римский сочинитель не упоминал в этой сцене Энея. Некоторые предпочли совсем «убрать» Энея, и в их рассказе не было *никого*, кто раскрыл бы Илии имя насильника и обрисовал ее будущую судьбу. Именно так выстраивают свое повествование Овидий в «Фастах» (III. 11–24), Плутарх (*Rom.* 3–5)¹⁴, а также Ливий (I. 3. 11–4.3) и Квинтилиан (III. 7. 5). У этих авторов божественное происхождение детей доказывается тем фактом, что они, обреченные на смерть, выжили. Трудно сказать, насколько убедительно было такое объяснение, но, вероятно, присутствие Энея казалось этим сочинителям еще более неуместным. К тому же не стоит забывать, что со временем прочно укрепилась традиция, согласно которой Энея и Рею Сильвию разделяло несколько поколений промежуточных царей. И появление троянского героя, словно *deus ex machina*, выглядело бы чрезмерно надуманно.

¹² νῦν δ' ἔρχετο πρὸς δῶμα καὶ ἴσχεο μὴδ' ὀνομήνης/ αὐτὰρ ἐγὼ τοῖ ἐμὶ Ποσειδάων ἐνοσίχθων (Hom. *Odys.* XI. 251–252). Но, очевидно, тайна не была сохранена.

¹³ Skutsch 1985, 194. Критика Скютча: Ross 1988, 259.

¹⁴ Поразительно, что, согласно Плутарху, Илия так и не узнает правды. Можем ли мы сделать вывод, что греческий писатель не нашел этого в тексте, на который он, по его собственным словам, опирался — в сочинении Диокла? Можно ли утверждать, что в тексте Диокла не было этой сцены, потому что ее не было у Софокла? Однако эти вопросы беспредметны, поскольку мы не располагаем ни текстом Диокла, ни текстом Софокла.

Однако некоторые авторы рассказывают о связи Илии с божеством или самим богом Марсом, который сам раскрывается ей. Божество или Марс появляются у Дионисия (I. 77), у Конона и в *Origo gentis Romanae* (20.1). Полагаю, что это было достаточно позднее нововведение, относящееся к I в. до н.э. Рассказ становится более логичным: Марс или другой бог вступает в связь с Илией, сам раскрывается ей и предсказывает дальнейшую судьбу.

Неужели Энний был столь художественно неискушен и не почувствовал, что выдуманное им, очевидно, присутствие Энея придает рассказу тяжеловесность? Нужно сказать, что рассказ Энния о пророчестве выглядит несогласованным только в том случае, если мы будем считать, что *homo pulcer*, напавший на Илию, — это действительно Марс. В повествовании о божественном зачатии близнецов, когда бог должен был раскрыться и пророчествовать сам, Эней — явно избыточная фигура. Поэтому от него и «избавились» более поздние авторы.

Поставим вопрос иначе: не потому ли эти авторы обходились без Энея, что речь в их рассказах шла о Марсе? Соответственно, не потому ли Энний ввел в повествование Энея, что по сюжету в нем не было Марса? Ситуация, когда пророчество произносит Эней, обретает смысл, только если предположить, что по сюжету «Анналов» обидчиком Илии был тот, кто *не мог* выполнять роль оракула. Если история о насилии над Илией на этом не заканчивалась, то дальше в более подробном рассказе должна была открыться личность насильника. По сохранившимся источникам известны и другие версии этой истории, когда вместо Марса в ней фигурировал либо фаллос, либо Амулий, либо неизвестный человек. Вариант с фаллосом не лишен остроумия: ведь фаллос не мог бы озвучить будущее детей, именно потому это делает Эней. Однако такая гипотеза не получает подтверждения, ведь Илия видела «красивого человека», *homo pulcer*.

Более правдоподобно предположение, что отцом близнецов оказался обычный человек — вряд ли он мог бы вещать о судьбе Илии и великого Рима. Однако это, на мой взгляд, противоречит концовке — девушка была отдана в жены не этому человеку, а речному богу. Остается последний вариант — Амулий. Именно присутствие Амулия делает сюжет внутренне логичным. Этому отрицательному персонажу нельзя было «доверить» предсказывать будущее, поэтому это делает Эней. Илия не могла быть отдана Амулию, поэтому стала женой бога реки. Если события в поэме Энния развивались именно так, то становится понятным, почему поздние авторы изменили этот сюжет, отказались от истории о насилии Амулия и пророчестве Энея и ввели рассказ о том, что отцом близнецов, вещающим о будущем величии Рима, был Марс.

Амулий — совершенно загадочный персонаж «Анналов»¹⁵. Согласно той хронологии, что была принята после Пиктора, Амулий и Нумитор стояли в ряду альбанских царей, которые разделяли время Энея и время Ромула. Но мы знаем, что у Энния не было истории о промежуточных царях — Илия являлась дочерью Энея. Какова же тогда роль Амулия и был ли он вообще родственником Илии, имеющим право отдать ее в весталки¹⁶? Вряд ли можно ответить на эти вопросы, но

¹⁵ Разбор имеющихся в науке точек зрения по поводу царей Нумитора и Амулия см. D'Alessio 2006, 254–256; Grandazzi 2008, 773–778, а также Barchiesi 1962, 523–526.

¹⁶ Строго говоря, как заметил еще И.В. Нетушил, Илия у Энния весталкой ни разу не называется (Netushil 1902, 38).

лишь возможное родство Или и Амулия дает право Энею выступить в качестве *paterfamilias*, и присутствие троянца в этой сцене обретает смысл¹⁷.

Таким образом, мы можем прийти к выводу что Энний, излагая легенду о зачатии близнецов, не принимает, вероятно, только формирующееся в самом начале II в. до н.э. воззрение, согласно которому бог Марс считался отцом Ромула и Рема. Римский поэт положил в основу рассказа, с одной стороны, сюжет из «Одиссеи», с другой стороны – местные предания, с которыми, вероятно, был хорошо знаком.

Литература / References

- Albertson, F.C. 2012: *Mars and Rhea Silvia in Roman Art*. Bruxelles.
- Barchiesi, M. 1962: *Nevio epico*. Padova.
- Connors, C. 1994: Ennius, Ovid and Representations of Ilia. *Materiali e discussioni per l'analisi dei testi classici* 32, 91–112.
- D'Alessio, M.T. 2006: La morfologia e il commento. In: A. Carandini (a cura di), *La leggenda di Roma*. Vol. I. Milano, 247–339.
- Dardenay, A. 2010: *Les mythes fondateurs de Rome: images et politique dans l'Occident romain*. Paris.
- Dardenay, A. 2012: *Images des fondateurs d'Énée à Romulus*. Paris.
- Dominik, W.J. 1993: From Greece to Rome: Ennius' *Annales*. In: A.J. Boyle (ed.), *Roman Epic*. London–New York, 37–58.
- Dulière, C. 1979: *Lupa Romana. Recherches d'iconographie et essai d'interprétation*. Wetteren.
- Fisher, J. 2014: *The Annals of Quintus Ennius and the Italic Tradition*. Baltimore.
- Grandazzi, A. 2008: *Alba Longa, histoire d'une légende*. Rome.
- Heubeck, A., Hoekstra, A. 1989: *A Commentary on Homer's Odyssey*. Vol. II. Oxford.
- Keith, A.M. 2004: *Engendering Rome. Women in Latin Epic*. Cambridge.
- Krevans, N. 1993: Ilia's Dream: Ennius, Virgil, and the Mythology of Seduction. *Harvard Studies in Classical Philology* 95, 257–271.
- Meurant, A. 2000: *L'idée de gemellité dans la légende des origines de Rome*. Louvain-la-Neuve.
- Poucet, J. 1976: Fabius Pictor et Denys d'Halicarnasse. Les “enfances de Romulus et Rémus”. *Historia* 25, 210–216.
- Radt, S. (ed.) 1999: *Tragicorum Graecorum Fragmenta*. Vol. IV. Göttingen.
- Robert, C. 1916: Tyro. *Hermes* 51, 273–302.
- Ross, D.O. 1988: The “Annals” of Quintus Ennius by Otto Skutsch. *Classical Philology* 83, 251–260.
- Skutsch, O. 1985: *The Annals of Q. Ennius*. Oxford.
- Solopov, A.I. 2002: De vocabuli, quod est “pulcher”, origine et significatione principali deque eius adiectivi gradibus et aetatibus. *Colloquia classica et indogermanica* III. Saint Petersburg, 235–252.
- Tennant, P.M.W. 1988: The Lupercalia and the Romulus and Remus Legend. *Acta Classica* 31, 81–93.
- Trieber, C. 1888: Die Romulussage. *Rheinisches Museum für Philologie* 43, 569–582.
- Vahlen, I. 1903: *Ennianae poesis reliquiae*. Lipsiae.
- Netushil, I.V. 1902: *Legenda o bliznetsah Romule i Reme* [The Legend on Romulus and Remus]. Moscow.
- Нетушил, И.В. *Легенда о близнецах Ромуле и Реме*. Москва.

¹⁷ Идею с *paterfamilias* высказал совсем недавно Дж. Фишер применительно к представлению, что насильником Или был Марс (Fisher 2014, 133), а весь фрагмент, равно как и всю первую книгу «Анналов» он помещает между тремя категориями: гендер, семья и смертность (ibid., 131). Эта идея, помещенная в треугольнике Марс – Эней – Рея Сильвия, мне кажется неудачной, так как в таком случае Эней оказывается в роли *paterfamilias* по отношению к Марсу. В качестве контраргумента отмечу, что если бы это было так, то римские писатели последовали бы за Эннием. Но Энний – единственный в своем роде. Идея с *paterfamilias* оказывается более привлекательной, если мы предположим в этом сюжете другой треугольник: Эней – Амулий – Рея Сильвия.